

Г. Чудковские присутствия наденных у него нежелательных последствий объяснил тем, что он хотел издавать социаль-демократический печатный орган, который собрал бы материал о деятельности не только этой, но вообще всех политических партий. Поэтому материал этот не может служить правдивым его принадлежностью к какому-либо преступному сообществу, т. е. приобретать оных его исключительно из целей осклонности. Что же касается отзыва сибирского комитета с-д. партии, то Чудковские действительно его переписал у одного знакомого, но как он полагал, что Вушешу точно сказать не может, однако, считает в речах такое предположение, что он мог записать его в книгу и вместе с ним отдать Вушешу, который пользовался его биографией.

Обвиняемый Г. Шинкевич объяснил, что на Урале, в частности в г. Екатеринбург он приобрел в Самаре исключительно собранный материал, нужней ему для научного сочинения по историческим вопросам. Заметь же, что в Новгородской посылке он не имел никаких документов, а только выписки из журналов, газет, которые он оставил у жившего там знакомого и который уже там не оказался, с ч. частью был передан на хранение Г. Чудковскому, а частью другому лицу. Что касается наденной у него литературы по социальным вопросам, то это объясняется тем, что он вообще очень интересуется социальными, на что указывает даже приложенное к делу его сочинение, которое он назвал «испытание» по этому вопросу.

Товарищ прокурора г. Соколовников находит обвинение доказанным, потому что всем обвиняемым считается приравленным к ним, а потому просит о помощи оправдания подсудимых.

Обвиняемые Г. Вушеш и Юзкович, а также г-жа Алевия палатой оправданы. Г. Шинкевич по обвинению в принадлежности к новому обществу оправдан, но признан виновным в хранении литературы противоправительственного содержания, за что приговорен к заключению в тюрьму на 4 месяца с зачетом предельного ареста.

Г. Шинкевич развешенный прокурор уже отозвать в предварительное заключение.

Подсудимые Г. Чудковские и г-жа Новгородцева признаны виновными по всем пунктам обвинения и лишены свободы на один год каждый с зачетом предельного ареста.

Подстреленность к насилию.
14-го декабря 1905 г. в Н. Тагильском заводе железнодорожники разогнали Раляевцев сына арестовали два железнодорожника служащих А. И. Везовова и Ф. С. Шинкевича на основании ст. 21-й полова, о государ. охраня.

Этот арест рабочих создал невольный, т. е. по Высочайшему манифесту 17-го октября никто из рабочих не должен был подвергаться аресту, свободу иначе, как по постановлению суда.

Предъявленные арестным делом образовали толпа, которая стала требовать освобождения и справедливого арестованных. Неудовлетворенная ареста вольнолежно энергично доказывали через представителей г. Петрова и слесаря г. Волкова.

Рабочие еще высказали предложение, что не войти-ли арестованные. Чтобы расставить это предложение и уловить толпу, розогнать распорядился вывести арестованных на улицу, где они именованно были окружены толпой и увлечены от арестного дома.

Петрова и Волкова посланы на семью под надзором за провинности возбуждающих ругань, в результате которых явилось массовое противодельствие закону распространения власти.

Дело это слушалось казасской палатой 17-го сентября.

Обвиняемые виновными себя не признали на том основании, что распространение розогнания Раляевцева об аресте Шинкевича и Везовова было по закону, т. е. оно происходило 14 декабря, а положеие ст. 21-й, на которую они сослались, была издана гораздо позже. Поэтому они считают незаконным привлечение их к ответственности за подстреленность и нарушение закона распространения власти, когда незаконность такого распространения очевидна.

На это же обстоятельство указывали и защитники Г. Везовова.

Оба обвиняемых палатой оправданы.

Семейная драма.

8-го июня в г. в деревне Трехлих, Нижне-Сельской волости, произошла следующая кровавая драма, героем которой явился общинарный мужик.

В деревнях ошело и рогот роготел выдают замуж своих дочерей помимо их симпатий и воли. Так случилось и с Вассой Таратанчиковой. Ее, красивую и здоровую, выдала за человека большого и некрасивого, которому она отдала лучшие годы своей молодости. Накануне же будучи матерью 4-х годовых детей, она близко сходится с красивым 17-тилетним парнем Иваном Селивановым, в ней впервые проясняется страсть. Она не спорит, не противится этой страсти, а отдается ей поцелуем. Выбывшая женщина сама называет себя своей своему милую и в ту самую полночь ослорожно прощается с усвоенным местом.

В муже, Андрей Таратанчиков, может быть и до сих пор не покаялся бы о женой несправедливости, если бы 3-го июня он не расказал ему о подпольном свидании.

После этого расказа Таратанчиков, придя домой, женой дома не застал. Он пошел искать ее в соседнюю деревню, а она уже была в доме.

Где мать? — спросил он у 8-летней дочери.

Мама ушла за коровой, — ответила девочка.

Таратанчиков схватил топор и быстро ушелся в поле. Здесь он встретился на высокую елку и восторг ухватил отчаяние, в кустах веревка, лежащая на земле женой и ее любовником.

Схватив ее с елки и размявную топором, он побуждал к мучо своего опозора, Первым издалась его прощальная Ивана Селиванов, который тут же начал бегать, но Таратанчиков бросил в него топор и селся его рвануть. Завывая, схватив топор, он побуждал из женой и несколькими ударами в разные части тела убил ее на месте.

После этого Таратанчиков заявил о случившемся властям.

15-го сентября дело это слушалось в Екатеринбургском окружном суде.

Вердиктом присяжных заседателей Таратанчиков оправдан.

На летучия темы.

Наша дума в заседании 18-го сентября рассмотрела вопрос о местоположении нового вокзала.

После оглашения отношений начальника Пермской ж. д. А. А. Святинского, в котором он отказывается от поддарила председателя города о перенесении вокзала к мосту, граничащему с Главным проспектом, вопрос о дальнейшем ходатайстве висит на волосок.

Но подлая настроение г. Додолюва; своим осторожным, митинг языком он охарактеризовал отношение г. Святинского как оправданное.

(Вз самозв дѣл, почему г. Святинскому за бытность о Мельников, когда городъ хотѣлъ воззвать у Главнаго пр.)...уверять, что объясненныя земляныя работы не пропустят и предадутъ ходатайство энергично не останавливаясь передъ командировкой головы въ Петербургъ и подаче прошения на высочайшее имя.

Собрание тотчасъ же охватило за путь, назначенный г. Додолювым, а г. Везовова подалъ съездъ по части скорѣйшаго возбужденія ходатайства.

Мѣся думается, что несомненно въ восторгѣ о новомъ мѣстѣ для вокзала не должны быть места.

Конечно борьба съ бюрократическимъ устроѣніемъ не легка...

Подуть безконечныя отписки, ссылки, заключенія и проекты. Словомъ, на пути въ перешедшаго вопроса и оставшихъ работъ будутъ возникнутъ цѣлыя баррикады временъ, во...

Но въ концѣ концовъ городъ долженъ одержать побѣду, такъ какъ указываемое мѣсто имѣетъ всѣ преимущества предъ възраженными г. инженеромъ. Этому пробуютъ и армянъ смыслъ, по которому вокзалъ строится для городовъ, а не наоборотъ, этому еще прецеденты и даже отъезъ недавне.

Газетъ, Вятской губ., также чуть было не остался безъ вокзала. Спротиву въ главѣ кажется с. д. с. И. Н. Выхонцевъ, не нашимъ возможнымъ строить вокзалъ у города, а отнесеного туда то за нѣсколько верстъ.

Газетская дѣла начала энергично хлопотать. Было подано нѣсколько прошеній, въ концѣ концовъ даже на Высочайшее имя. Въ результатѣ работы были остановлены. Но Высочайшимъ повелѣніемъ было произведено новое высказаніе пути, затронутомъ были всѣ средства, но городъ получил желанный вокзалъ.

Въ и маленькій, гудогъ городокъ Глазовъ служилъ отстоянъ свои интересы, но неужели не служить Екатеринбургъ, гдѣ болѣе что у насъ вопросъ стоитъ проше.

Въ Екатеринбургѣ высказалъ дѣлать не пришел, но вѣдо неимѣя направленія пути, и следовательно убавокъ, который повеситъ вагонъ при перерѣшени вопроса, будетъ, въ сущности, и не великъ.

Газетская дѣла начала энергично хлопотать. Было подано нѣсколько прошеній, въ концѣ концовъ даже на Высочайшее имя. Въ результатѣ работы были остановлены. Но Высочайшимъ повелѣніемъ было произведено новое высказаніе пути, затронутомъ были всѣ средства, но городъ получил желанный вокзалъ.

Въ и маленькій, гудогъ городокъ Глазовъ служилъ отстоянъ свои интересы, но неужели не служить Екатеринбургъ, гдѣ болѣе что у насъ вопросъ стоитъ проше.

Въ Екатеринбургѣ высказалъ дѣлать не пришел, но вѣдо неимѣя направленія пути, и следовательно убавокъ, который повеситъ вагонъ при перерѣшени вопроса, будетъ, въ сущности, и не великъ.

Гласовъ, Вятской губ., также чуть было не остался безъ вокзала. Спротиву въ главѣ кажется с. д. с. И. Н. Выхонцевъ, не нашимъ возможнымъ строить вокзалъ у города, а отнесеного туда то за нѣсколько верстъ.

Газетская дѣла начала энергично хлопотать. Было подано нѣсколько прошеній, въ концѣ концовъ даже на Высочайшее имя. Въ результатѣ работы были остановлены. Но Высочайшимъ повелѣніемъ было произведено новое высказаніе пути, затронутомъ были всѣ средства, но городъ получил желанный вокзалъ.

Въ и маленькій, гудогъ городокъ Глазовъ служилъ отстоянъ свои интересы, но неужели не служить Екатеринбургъ, гдѣ болѣе что у насъ вопросъ стоитъ проше.

Въ Екатеринбургѣ высказалъ дѣлать не пришел, но вѣдо неимѣя направленія пути, и следовательно убавокъ, который повеситъ вагонъ при перерѣшени вопроса, будетъ, въ сущности, и не великъ.

Гласовъ, Вятской губ., также чуть было не остался безъ вокзала. Спротиву въ главѣ кажется с. д. с. И. Н. Выхонцевъ, не нашимъ возможнымъ строить вокзалъ у города, а отнесеного туда то за нѣсколько верстъ.

Газетская дѣла начала энергично хлопотать. Было подано нѣсколько прошеній, въ концѣ концовъ даже на Высочайшее имя. Въ результатѣ работы были остановлены. Но Высочайшимъ повелѣніемъ было произведено новое высказаніе пути, затронутомъ были всѣ средства, но городъ получил желанный вокзалъ.

Въ и маленькій, гудогъ городокъ Глазовъ служилъ отстоянъ свои интересы, но неужели не служить Екатеринбургъ, гдѣ болѣе что у насъ вопросъ стоитъ проше.

Въ Екатеринбургѣ высказалъ дѣлать не пришел, но вѣдо неимѣя направленія пути, и следовательно убавокъ, который повеситъ вагонъ при перерѣшени вопроса, будетъ, въ сущности, и не великъ.

Гласовъ, Вятской губ., также чуть было не остался безъ вокзала. Спротиву въ главѣ кажется с. д. с. И. Н. Выхонцевъ, не нашимъ возможнымъ строить вокзалъ у города, а отнесеного туда то за нѣсколько верстъ.

Газетская дѣла начала энергично хлопотать. Было подано нѣсколько прошеній, въ концѣ концовъ даже на Высочайшее имя. Въ результатѣ работы были остановлены. Но Высочайшимъ повелѣніемъ было произведено новое высказаніе пути, затронутомъ были всѣ средства, но городъ получил желанный вокзалъ.

Въ и маленькій, гудогъ городокъ Глазовъ служилъ отстоянъ свои интересы, но неужели не служить Екатеринбургъ, гдѣ болѣе что у насъ вопросъ стоитъ проше.

Въ Екатеринбургѣ высказалъ дѣлать не пришел, но вѣдо неимѣя направленія пути, и следовательно убавокъ, который повеситъ вагонъ при перерѣшени вопроса, будетъ, въ сущности, и не великъ.

Коллега.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Меленькія фельетонъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Атижанинъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Меленькія фельетонъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Коллега.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Атижанинъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Меленькія фельетонъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Атижанинъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Меленькія фельетонъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

Атижанинъ.

Позвольте прикуриться! — повернуло ко мнѣ угрюмое лицо студента въ новенькой тужуркѣ и съ траурными каймами вокругъ локтей.

Въ корридорѣ было шумно. Говорили, курили, расказывали, хохотали и дежури, вытигивались длинными цѣпями рада въ три, у стола какого-либо сторожа, выдающего очередные билеты на занятия въ гимназическую школу.

Такъ жить нельзя! — пропалъ студентъ, прикуривая папиросу. — Надо бы бунтовать! Потому такъ обидно! Вѣдь бунта!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собеседника.

Онъ вынулъ изъ своей куртки махорочный дымъ и продолжалъ:

— Какъ мы— коллега, такъ стало протестовать, проповѣдственное отужденіе нѣтъ, аграріація... социаль-демократическая фракція.

И вдругъ онъ, поймавъ на себя мой изумленный взглядъ, моментально юркнулъ въ толпу и скрылся.

Я сталъ внимательно всматриваться въ шумящее и гогоучее море студенческихъ головъ, и то тамъ, то сямъ стали выдѣлять характерныя фигуры лица, трупные глаза и прищипленные фигуры опредѣленнаго значенія.

Я выбралъ изъ этой толпы, во всѣхъ направленіяхъ исчерченной деятельности вѣрами „студентовъ по назначенію“, и направился въ аудиторію, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ „нихъ“.

Читалъ профессоръ-филологъ. Увлекался, спорилъ съ воображаемыми противниками, доказывая непрелюбие присутствіе юса большого въ какомъ-то утраченномъ словѣ.

Старательно записывала большая часть студентовъ профессорскія слова въ свои тетради.

Я нагнулся къ моему сосѣду и посмотрѣлъ въ его записки.

Тамъ значилось:

„Черный бунтуетъ, партійная кличка товарищъ Сергій, входной билетъ за № 11872, часто бесѣдуетъ съ тѣмъ худымъ и высокимъ, что на В. Зелениной.“

Справъ въ канцелярію.

... На 6-й линіи у бордатога, что въ хосовороткѣ, свидани вечеромъ сходка...

И вышелъ изъ аудиторіи.

